

0 7 2 4 9 3 1 7

На правах рукописи

Чураков Владимир Сергеевич

**ЮЖНЫЕ УДМУРТЫ В X – СЕРЕДИНЕ XVI ВЕКА
(проблемы социально-политической истории)**



Специальность 07.00.02 – Отечественная история

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Ижевск 2001

Работа выполнена в отделе истории Удмуртского института истории, языка и литературы Уральского отделения Российской Академии наук.

Научный руководитель: доктор исторических наук, профессор
М. В. Гришкина

Официальные оппоненты: доктор исторических наук, профессор
Э. Л. Дубман
доктор исторических наук, профессор
Т. И. Останина

Ведущее учреждение: Вятский государственный
педагогический университет

Защита состоится « 15 » апреля 2002 г. в 10³⁰ часов на
заседании диссертационного совета Д. 212.275.01 при Удмуртском
государственном университете.

Адрес: 426034, г. Ижевск. ул. Университетская 1, корпус II.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Удмуртского
государственного университета.

Автореферат разослан « 13 » декабря 2001 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
кандидат исторических наук,
доцент

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
КФУ



Г. Н. Журавлева



ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы. Одним из распространенных в исторической науке приемов познания общественного развития исторически удаленных от исследователя социумов является построение моделей-идеализаций. Перед исследователем стоит задача, опираясь на исходные теоретические положения, построить такую схему эволюции изучаемого общества, которая бы не противоречила, более того, могла объяснить большинство исторических фактов, накопленных в ходе изучения этого общества методами различных наук. Подобные комплексные исследования на основе системного подхода еще не получили широкого распространения при изучении средневековой истории удмуртов, что делает весьма актуальным такого рода опыт, поскольку значительное количество выводов, относящихся прежде всего к средневековой этно-социальной структуре удмуртского этноса, а также его этнополитической истории, сделанных исследователями, как правило, в рамках методологии одной из дисциплин (археологии, лингвистики или этнографии), носит остро дискуссионный характер. Предпринятая в реферируемой работе попытка смоделировать ход социальной эволюции одной из локальных групп удмуртов призвана не только осветить некоторые малоизученные стороны средневековой удмуртской истории, но и устранить ряд представленных в работах исследователей противоречий.

Объект и предмет исследования. В качестве объекта настоящего диссертационного исследования избрана одна из двух основных локальных групп средневековых удмуртов, условно именуемая южной, в соответствии с ее локализацией на территории Вятско-Камского края. Предметом исследования является социально-политическая история южных удмуртов, составлявших в средневековье основное население Арской земли, в пределах заявленных хронологических рамок.

Хронология. При выборе временных рамок исследования учитывалась прежде всего политическая история региона. Нижний хронологический рубеж обусловлен временем образования первого крупного государственного организма на территории Среднего Поволжья – Волжско-Камской Булгарии, верхний – событиями казанской войны 1552 г., приведшими к включению народов Казанского ханства, в том числе и южных удмуртов, в состав Русского государ-

ства. Поскольку в письменных источниках сохранилось упоминание конкретной даты принесения представителями южных удмуртов присяги на верность Ивану IV – 10 октября 1552 г., автор избрал ее в качестве верхнего хронологического рубежа исследования.

Цель и задачи исследования. Целью предпринятой работы являлась попытка создания модели социально-политической эволюции южно-удмуртского общества за указанный временной интервал. Выполнение поставленной цели обусловило решение следующих задач:

1. Выявление и критический анализ всего комплекса основных типов исторических источников, прежде всего памятников письменности, которые представляется возможным привлечь для освещения заявленной темы;
2. Определение особенностей этно-социальной структуры удмуртского этноса в средневековье, с последующей конкретизацией понятия “южные (арские) удмурты” как объекта исследования, что является необходимым в условиях неоднозначного определения этого термина в археологической и историко-этнографической литературе;
3. Изучение основных этапов социально-политического развития южно-удмуртского общества и выявление влияния на этот процесс внешних факторов, под которыми понимаются различные социальные институты Волжско-Камской Булгарии, Золотой Орды и Казанского ханства. Решение данной задачи обусловило необходимость обращения к вопросу о развитии общей теории классогенеза в отечественной историографии.

Историография. Впервые на страницах научных сочинений отдельные, весьма краткие сюжеты по истории южных удмуртов появляются в работе В. Н. Татищева “История Российская с самых древнейших времен”. Ряд заметок исторического характера содержат работы ученых-путешественников, участников экспедиций Императорской Академии Наук XVIII в. – Г. Ф. Миллера, П. И. Рычкова, П. С. Палласа, Н. П. Рычкова. Первая половина XIX в. также не отмечена появлением сколько-нибудь обстоятельного исследования, посвященного истории южных удмуртов. Не являясь предметом специального изучения, история последних лишь изредка попутно затрагивалась в работах ряда ученых. В частности, Н. М. Карамзин на основе летописных памятников весьма подробно описывает военные действия на территории Арской земли в ходе казанской войны 1552 г.

Х. М. Френ, изучая древние арабские рукописи, посвятил специальную работу критическому разбору “Рисале” Ибн Фадлана и высказал гипотезу о том, что булгары представляют из себя смесь тюркских, славянских и финских народов. Несколько ранее к подобному выводу пришел профессор Казанского университета К. Ф. Фукс, писавший в “Краткой истории города Казани”, что “под употреблявшимися именами Болгаров” скрывались марийцы, удмурты и чуваша. Определенный историографический интерес имеют приходская летопись Богоявленской церкви г. Арска анонимного составителя и заметка казанского военного губернатора Второва, посвященная обозрению памятников древности Казанской губернии. В обоих трудах содержится основанный на письменных источниках краткий обзор истории южных удмуртов, “занимавших в XIV, XV и XVI столетиях значительную часть страны между Казанью и Вяткою, которую называли тогда землею Арскою”. Почти буквальные совпадения текста летописи и заметки свидетельствуют о цитировании одним из авторов отрывков сочинения другого.

Вторая половина XIX в. – начало XX в. ознаменованы как активизацией изучения истории народов Среднего Поволжья русскими учеными, так и постепенным становлением национальных кадров исследователей, в числе которых особенно выделяются татарские ученые, оставившие ряд фундаментальных исследований по истории народов Поволжья периода существования Булгарского, Золотоордынского и Казанского государств. Перед нами предстает целая плеяда татарских историков: Х. Фаизханов, Ш. Марджани, Г. Н. Ахмеров, Х. М. Атласов и др., чьи работы были высоко оценены современниками. Необходимо отметить, что они не занимались изучением прошлого удмуртов, однако при решении тех или иных проблем истории Волго-Уральского региона попутно касались и этого вопроса.

Расширению тематики научных изысканий содействовало созданное в 1878 г. при Казанском императорском университете Общество археологии, истории и этнографии, в задачу которого входило изучение “прошлого и настоящего русского и инородческого населения на территории бывших царств Булгаро-Хазарского и Казано-Астраханского, а также Сибири и Средней Азии”. Стремились привлечь внимание к средневековой истории удмуртов и организаторы археологических съездов, проводившихся регулярно раз в три года с 1869 по 1911 гг. В частности, в числе запросов, “на которые жела-

тельно получить сведения”, в программах IV (Казань 1877) и VIII (Москва 1890) археологических съездов значились следующие темы: “В каких отношениях находилась Арская земля к Казанскому царству?” и “Не составляли ли вотяки в древности части булгарского народа, а если составляли, то потому ли, что у них была родственная племенная связь или как союзники или, наконец, в силу покорения их булгарами?”. По первому вопросу “реферата представлено не было”. Решению второго уделили внимание археолог А. А. Спицын и этнограф И. Н. Смирнов. Оба исследователя полагали, что до прихода в Нижнее Прикамье удмуртов, в качестве изначального района расселения которых рассматривалось верхнее и среднее течение Вятки, здесь проживала “чудь”, культура которой оказала существенное влияние на сложение культуры булгар. Собственно удмурты рассматривались как достаточно отсталый народ, разделяющийся на два “племени” (*ватка* и *калмез*) и подчиненный первоначально булгарами, а затем сменившими их татарами. Аналогичные взгляды в первой четверти XX в. высказывали И. В. Яковлев, М. Г. Худяков и В. Ф. Смолин, при этом второй допускал, что в низовьях Вятки могло существовать еще одно удмуртское “племя”, носившее название *ар*. Все перечисленные авторы уделяли внимание истории южных удмуртов, как правило, в ходе решения иных проблем истории Среднего Поволжья, что не могло не отразиться на полноте ее освещения. Единственная работа, рассматривающая историю южных удмуртов с X в. по 1780 г., написанная в довоенный период П. Н. Лупповым, осталась неопубликованной и не оказала никакого влияния на историографию. Между тем, в первой части этой работы – “Южные удмурты в 10–16 веках” – содержится ряд интересных выводов исследователя. В частности, под южными удмуртами он понимает все удмуртское население Южного Прикамья, не противопоставляя ему, как это порой делается некоторыми современными авторами, так называемых “арских удмуртов”. Интерес представляет и его попытка реконструкции территории Арской земли времен существования Казанского ханства.

Весьма схематично излагалась средневековая история южной группы удмуртского народа А. Ф. Трефиловым в “Очерках истории Удмуртской АССР” (1958). В ряде публикаций, в особенности в юбилейных сборниках, посвященных 400-летию и 425-летию присоединения Удмуртии к России, Г. Н. Трефилов подробно освещает про-

цесс вхождения южных удмуртов в состав Русского государства, описывая его с позиций “добровольности” и “прогрессивности”. Среди работ этого времени можно отметить и статью В. К. Кельмакова, затрагивающую некоторые спорные вопросы истории удмуртов правобережья нижней Вятки. Различные проблемы, связанные с историей южных удмуртов, становились предметом рассмотрения в работах М. В. Гришкиной. Прежде всего следует отметить ее источниковедческие работы, одна из которых была написана в соавторстве с В. Е. Владыкиным. Неоценимым вкладом в постижение особенностей исторического развития южных удмуртов стали выявленные М. В. Гришкиной копии грамот XVI в., позволяющие представить ранее неизвестные стороны социально-политической истории региона. Крушение идеологических “установок” позволило исследовательнице пересмотреть ряд положений работ предшественников, посвященных проблеме вхождения южных удмуртов в состав Русского государства. В одной из последних монографий М. В. Гришкина поднимает проблему уровня развития южно-удмуртского общества к моменту появления в Поволжье болгар. За прошедшее десятилетие отдельные вопросы истории южных удмуртов X–XVI вв. затрагивались в работах археологов – Р. Д. Голдиной, М. Г. Ивановой, Н. И. Шутовой, Т. И. Останиной, Т. К. Ютиной, Н. А. Лещинской. Их внимание преимущественно было сосредоточено на систематизации накопленного археологического материала и реконструкции на его основе этнических процессов, происходивших в первой половине II тысячелетия н. э. в Южном Прикамье.

Проблемам взаимоотношений народов Среднего Поволжья, входивших в сферу влияния государств региона – Булгарии, Золотой Орды и Казанского ханства, уделяется внимание в работах татарских исследователей, в частности Х. Г. Гимади, А. Х. Халикова, Ш. Ф. Мухамедьярова, Р. Г. Фахрутдинова, С. Х. Алишева, Д. М. Исакова и др.

Несмотря на то, что средневековую историю южной группы удмуртского этноса в интересующий нас период в той или иной мере рассматривали многие исследователи, она еще не получила должного освещения, что объясняется как сложностью накопления источникового материала по данной теме, так и характером его использования. Кроме того, большая часть ученых уделяла внимание отдельным вопросам истории южных удмуртов, как правило, в ходе решения иных

проблем истории Среднего Поволжья, что не могло не сказаться на целостности и глубине освещения интересующей нас проблематики.

Методология. В основу исследования были положены принципы исторического материализма, в рамках которого на основе системного подхода использованы сравнительно-исторический, сравнительно-генетический и сравнительно-типологический методы изучения исторической действительности, а также метод ретроспекции, моделирования и картографирования. При решении конкретных задач автор обращался к положениям общей теории этноса, предложенным в работах Ю. В. Бромлея, С. А. Арутюнова, Н. Н. Чебоксарова и теории классогенеза, разрабатывающейся в трудах Ю. И. Семенова, Л. С. Васильева, Л. Е. Куббеля, Ю. В. Павленко, М. В. Свердлова и др.

Источники. К решению поставленных в диссертации задач привлечены все доступные на сегодняшний день типы исторических источников (письменные, вещественные, лингвистические, этнографические и фольклорные). Преследуя цель более детально определить основной источниковедческий фундамент представленного исследования, автор посчитал необходимым вынести рассмотрения источникового материала в специальную главу, в которой дается оценка его уровня информативности и достоверности. Комплексное использование в исследовании основных типов исторических источников позволяет в рамках системного подхода в значительной степени компенсировать недостатки, присущие для каждого из них в отдельности и создает основу для достаточно разностороннего и объективного освещения выбранной темы.

Научная новизна диссертации определяется ее проблематикой, хронологическими рамками и характером использования источников. Работа является первым опытом системного исследования эволюции социально-политической структуры южно-удмуртского этно-социального организма на фоне исторических событий X–XVI вв. В диссертации представлены новые способы решения ряда проблем этно-социальной структуры и этнополитической истории средневекового удмуртского этноса, позволившие автору пересмотреть некоторые устоявшиеся концепции. В частности, обосновывается необходимость рассмотрения удмуртов *vatka* и *kalmez* не в качестве древних “племен”, принявших участие в этногенезе удмуртов, а в качестве локальных групп удмуртского этноса, названия которых образованы от

соответствующих хоронимов. Диссертантом опровергается и “воршудная” теория, как не соответствующая эмпирическим данным и современному уровню развития теоретической этнографии. Со своей стороны автор предлагает концепцию рода-*выжы*, позволяющую объяснить накопленный этнографами материал, связанный с данным социальным институтом удмуртского общества.

Практическая значимость. Полученные в ходе предпринятого исследования результаты представляют интерес как для ученых, занимающихся проблемами удмуртской истории и этнографии, так и для специалистов, объектом изучения которых являются другие народы Волго-Уральского региона. Предложенные в работе подходы к решению ряда дискуссионных вопросов открывают новые возможности для дальнейших исследований не только в области собственно исторической дисциплины, но и позволяют расширить тематику этнографических, фольклорных и лингвистических работ в рамках удмуртоведения. Содержащиеся в работе выводы и обобщения могут послужить основой для подготовки лекционных курсов, написания обобщающих и специальных работ по этнографии и истории удмуртского народа, по истории Среднего Поволжья и Приуралья.

Апробация работы. Основные положения диссертационного исследования изложены в публикациях, отражены в докладах на научных конференциях (4-я Российская университетско-академическая научно-практическая конференция. Ижевск, 1999; Российская научно-практическая конференция “Этнический фактор и политика. История и современность”. Ижевск 2000; 5-я Российская университетско-академическая научно-практическая конференция. Ижевск, 2001). Диссертация обсуждена на расширенном заседании отдела истории Удмуртского института истории, языка и литературы УрО РАН и рекомендована к защите.

Структура работы. В структурном отношении диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, библиографического списка использованной литературы, списка сокращений и трех приложений, включающих генеалогическую роспись жителей д. Муважи (Усо-Омга) Алнашского р-на Удмуртии, составленную в 1925 г. А. И. Панфиловым; карту-схему, отражающую политическую ситуацию в регионе в конце XV в.; краткий историко-этимологический словарь используемых в тексте соционимов.

СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во Введении обосновывается актуальность избранной темы, определяются объект, предмет и хронологические рамки исследования, формулируются его цель и задачи, выявляется степень изученности проблемы, характеризуется теоретико-методологическая база работы и даются определения основных понятий и терминов, используемых в диссертации.

Первая глава “Источники” призвана охарактеризовать источниковый материал, привлекаемый для решения поставленных в исследовании задач. Последовательное рассмотрение информационных возможностей основных типов исторических источников обусловило структурную композицию этой части диссертации, включающей четыре параграфа.

В первом параграфе анализируются данные памятников письменности. В целях выявления максимально большего количества письменных источников по истории изучаемого общества определяется историческая этнонимия удмуртов на интересующем нас отрезке времени. Это необходимо сделать, так как средневековые авторы довольно часто используют “скользящие этнонимы”, что в значительной степени затрудняет критику источника. В указанный период соседние народы называли удмуртов: мари́йцы **одо*, русские (*v*)*of'ak*~(*v*)*of'in*, турки *ar*. Помимо этих, “собственно” удмуртских экзоэтнонимов, по отношению к удмуртам или их части в русских памятниках письменности использовались названия других народов Поволжья (*черемиса*, *чуваши*), которые приобретали, таким образом, характер “скользящих этнонимов”. Употребление последних особенно характерно для восточных авторов рубежа I–II тысячелетия н. э., весьма смутно представлявших этническую ситуацию в отдаленных от распадающегося Халифата районах Европы. Практически все этнонимы, которыми они пользуются для обозначения европейских народов, в зависимости от характера сообщений и условий их появления, могут употребляться по отношению к совершенно различным, даже чуждым друг другу этносам. И все же прослеживается определенная рациональность в употреблении “скользящих этнонимов” мусульманскими авторами: она определяется влиянием карт так называемого “Атласа ислама”, составленного в X в. На этих картах целые

районы Европы с полиэтничным населением обозначаются одним общим наименованием. Народы Среднего Поволжья, в том числе и удмурты, довольно часто фигурируют в восточной письменной традиции под собирательными названиями *at-turk*, *aş-şakaliba*, *ar-rūs*.

Анализируемые в параграфе письменные источники условно разбиты на “автохтонные”, восточные и западные, причем деление на “восточную” и “западную” группы обусловлено не столько географическими причинами, сколько культурологическим фактором, поскольку первые являются плодом творчества преимущественно арабо-мусульманских, а вторые, главным образом, русских христианских авторов, что оказало значительное влияние на восприятие событий, происходивших в мусульманских государствах Среднего Поволжья, частью населения которых были языческие народы, в том числе и удмурты.

В число “автохтонных” источников, сведения которых используются в диссертационном исследовании, входят: для булгарского периода – отрывки из сочинения “История булгар” кадия г. Булгар Йакуба ибн Номана (перв. пол. XII в.), представленные в произведениях Абу Хамида ал-Гарнати; для золотоордынского периода – данные мусульманских эпитафий. От эпохи существования Казанского ханства сохранился более обширный материал и прежде всего акты, дошедшие до нас как в оригинале (ярлык казанского хана Сахиб-Гирея, выданный в 1523 г.), так и в копиях: ярлык хана Ибрагима (посл. треть XV в.), земельный документ 1538/39 гг., договорная запись второй четверти XVI в, отдельные материалы дипломатической переписки Мухаммед-Амина и Сафа-Гирея, грамота к турецкому султану Сулейману I Кануни (1549 г.). Значительное число текстов казанских грамот было включено в состав русских летописей. Здесь же затрагивается вопрос о возможности привлечения в исследовании данных татарских родословных списков – *шаджара*.

Из числа восточных источников особое внимание уделяется письму хазарского кагана Иосифа, в котором он перечисляет зависимые от него народы, живущие по берегам р. Атил, известиям Абу Хамида ал-Гарнати о вилайете *Arū*, который сопоставляется рядом исследователей (И. Грбек, А. Я. Монгайт, М. В. Гришкина и др.) с Арской землей русских летописей, и сообщению среднеазиатского географа Абу Зейда ал-Балхи о трех группах населения *ar-rūs*, одна

из которых (*al-Arṭānija*), по мнению ряда ученых (П. М. Сорокин, А. П. Смирнов, А. Л. Монгайт, М. В. Гришкина и др.), может быть сопоставлена с удмуртами.

В пространной редакции письма Иосифа перечислены этнонимы восьми народов, проживавших возле р. Атил (Белая–Кама–Нижняя Волга), в краткой редакции определяется лишь их общее количество – девять. Этот факт, практически всегда игнорируемый исследователями, привлек в 1962 г. внимание польского ориенталиста Т. Левицкого, который вполне резонно посчитал, что исчезновение одного народа в пространной редакции объясняется слитным написанием двух соседствующих в тексте этнонимов. Наиболее удачно мог быть “разложен” этноним *arisu*: в итоге образовывались названия народов, известные и арабской традиции – *arū* и *īsū*. Отождествляя Атил с современной Волгой, Т. Левицкий сопоставил первый народ с удмуртами, а второй, вслед за гипотезой Х. М. Френа – с вепсами. В начале 80-х гг. к аналогичному заключению пришел удмуртский филолог М. Г. Атаманов. Поскольку высказанная гипотеза не учитывает, что средневековый Атил не тождественен современной Волге, мы, разделяя мнение сторонников сопоставления *īsū* с верхнекамским населением, полагаем, что Иосифом были названы удмурты и коми-пермяки.

Изучая сообщения Абу Хамида ал-Гарнати о народах Севера, содержащиеся в обнаруженной в начале 1950-х гг. Ц. Дублером рукописи, диссертанту удалось выявить неточность, возникшую при их переводе на русский язык в 1971 г. (О. Г. Большаков). Оказалось, что в сюжете, описывающем представителей северных народов, которых в Булгаре видел ал-Гарнати, фигурируют выходцы из соседних областей *Arū* (в переводе *Jūrā*) и *Īsū*, находящихся, как сообщает испано-арабский автор, в зависимости от Булгарии.

В завершении обзора восточных источников обращается внимание на то, что время (нач. X в.), место (Средняя Азия) и условия появления (интенсивные торговые контакты населения Среднего Поволжья и Средней Азии, влияние карт “Атласа ислама”) широко известного рассказа о трех группах *ar-rūs*, свидетельствуют о его непосредственной связи с отражением этно-политической ситуации начала X в. в Среднем Поволжье, что делает весьма вероятным отождествление области *al-Arṭānija* с Арской землей.

Критический анализ письменных материалов русского происхождения, в которых упоминаются население или территория Арской земли, помог обнаружить ряд неточностей, возникших при публикации некоторых источников, а также позволил исключить из свода источников ошибочно относимые к истории удмуртов сообщения отдельных памятников письменности. Использование достижений исследователей русского летописания, таких как А. А. Шахматов, М. Д. Приселков, А. Н. Насонов, Я. С. Лурье, Т. Ф. Волкова и др., позволило выявить наиболее ранние варианты тех или иных известий русских летописных памятников, касающихся истории южных удмуртов. Сравнительно-сопоставительное изучение Т. Ф. Волковой “Летописца начала царства”, составление которого связывается с деятельностью А. Ф. Адашева, “Сказания...”, автором которого был монах Троице-Сергиева монастыря (Адриан Ангелов?), “Истории о великом князе Московском” А. М. Курбского и анонимной “Казанской истории” позволяют использовать для освещения событий середины XVI в. оригинальные сведения каждого из перечисленных выше источников.

Во втором параграфе затрагиваются вопросы особенностей использования вещественного материала, полученного в ходе археологического изучения Нижнекамского региона, для решения поставленных в исследовании задач. Выявление и научное изучение археологических памятников первой половины II тысячелетия н. э. на территории расселения южных удмуртов началось в основном с конца XIX — начала XX вв. За период до Октябрьской революции А. А. Спицыным, Ф. Д. Нефедовым, М. М. Хомяковым, Ф. В. Стрельцовым, Л. Е. Беркутовым и др. было учтено и частично обследовано несколько городищ, селищ и могильников; у местного населения приобретены отдельные вещи, относящиеся к началу II тысячелетия н. э. Как правило, все выделяемые объекты включались в разряд “чуждских” древностей. Начиная с 20–30-х гг. активизируется целенаправленное археологическое изучение Прикамского края. Целый ряд экспедиций был совершен археологами Антропологического института при МГУ, сотрудниками Государственного исторического музея и Государственной Академии искусствознания. Вскоре к археологическому изучению территории Удмуртии присоединяются работники созданного в 1931 г. Удмуртского научно-исследовательского института, одну из первых экспедиций которого

возглавил А. П. Смирнов, являвшийся в то время членом Московского отделения Государственной Академии истории материальной культуры.

Новым этапом в развитии археологии в Удмуртии стало создание в 1954 г. Удмуртским научно-исследовательским институтом совместно с Республиканским краеведческим музеем Удмуртской археологической экспедиции, возглавил которую В. Ф. Генинг. Поскольку за период деятельности этой экспедиции на территории Нижнего Прикамья не удалось выявить значительного количества памятников, относящихся ко второй половине I – началу II тысячелетия н. э., появляется “миграционная” теория В. Ф. Генинга, согласно которой в конце I тысячелетия в малонаселенные районы Нижнего Прикамья под воздействием булгар с Верхнего Прикамья переселяется часть населения, оставившая на территории Булгарии памятники так называемого “прикамско-приуральского” или “танкеевского” типа. В этническом отношении, как полагал археолог, оно было родственно удмуртам, формирование которых согласно предложенной гипотезе происходило на весьма ограниченной территории Чепецкого бассейна. Впоследствии возглавляемый Р. Д. Голдиной коллектив Камско-Вятской археологической экспедиции, произведя обширные разведочные обследования и стационарное изучение значительного количества средневековых памятников в южных районах Вятского-Камского междуречья, заложил основу для пересмотра этногенетических представлений предшественников, в частности, В. Ф. Генинга. Так, согласно концепции Р. Д. Голдиной, с удмуртами первой половины II тысячелетия можно связать население, оставившее памятники Чепецкой, Кочергинской и Чумойтлинской археологических культур, занимавших значительные районы Прикамья. Необходимо признать, что предложенная Р. Д. Голдиной общая схема формирования удмуртского этноса, представленная на основе археологических материалов, является наиболее удачным на сегодняшний день вариантом решения проблемы этногенеза удмуртов.

Впрочем, не следует забывать и того, что значительные районы Прикамья, прилегающие к основным транспортным магистралям средневековья – рр. Каме, Вятке и Волге, где, безусловно, в прошлом наблюдалась этническая чересполосица, как правило, не выделяются в отдельные археологические культуры, а обнаруженные здесь памятники объединяются в группы в соответствии с принятой периоди-

зацией, отражающей политическую историю края. Поэтому в своем исследовании мы не ограничиваемся опубликованными материалами только Чумойтлинской АК и южного варианта Кочергинской АК, но и используем данные археологических памятников “булгарского”, “золотоордынского” и “казанского” периодов, вещественный комплекс которых имеет “прикамско-приуральские” черты.

Третий параграф посвящен рассмотрению лингвистических источников и прежде всего социальной терминологии удмуртского языка. Первым и, пожалуй, единственным, кто широко привлекал материалы удмуртского языка для реконструкции социальной структуры удмуртов периода, предшествовавшего их вхождению в состав Русского государства, был И. Н. Смирнов (1890). Однако большая часть его выводов оказалась ошибочной и подверглась критике со стороны финских исследователей Э. Сетяля и У. Хольмберга. В последующих исследованиях удмуртская социальная терминология редко привлекалась в качестве исторического источника, оставаясь объектом изучения (преимущественно заимствованные термины) лингвистической науки. Между тем, системное рассмотрение данной категории лексики в сочетании с комплексным использованием всех типов исторических источников позволяет добиться значительных результатов в реконструкции исторической эволюции социальной структуры изучаемого общества.

В четвертом параграфе определяется круг фольклорных и этнографических материалов, которые используются в диссертационном исследовании. Поскольку первые этнографические описания удмуртов и фиксация отдельных легенд и преданий появляются еще задолго до возникновения собственно этнографии и фольклористики, автор посчитал возможным рассмотреть оба типа исторических источников в рамках одного параграфа. Особый интерес представляют легенды и предания удмуртов, повествующие о роли Арска в их истории, фиксируемые учеными-путешественниками начиная с XVIII в. (Н. П. Рычков, П. С. Паллас). Помимо преданий, связанных с Арском и его окрестностями, наиболее ценными являются собранные исследователями материалы, рассказывающие о взаимоотношениях удмуртов с соседними народами – марийцами, татарами и ногайцами. Из этнографических источников особое внимание обращается на описание этно-социальной структуры удмуртов в работах прежде всего авторов конца XIX – начала XX в.: Б. Г. Гаврилова, Н. Г. Первухина,

Г. Е. Верещагина, И. Н. Смирнова, Н. Н. Блинова, В. Н. Харузиной, И. В. Васильева, М. Г. Худякова и др. Предпочтение исследованиям этого хронологического отрезка объясняется во многом тем, что именно тогда перед учеными представало действительно традиционное удмуртское общество, которое еще только вступало в процесс своего разрушения, постепенно втягиваясь в капиталистические отношения. Окончательное разрушение многих традиционных институтов удмуртского этноса завершилось уже в процессе модернизации, осуществленной в рамках “советской” модели построения индустриального общества.

Вторая глава “Территория расселения и этно-социальная структура южных удмуртов в раннем средневековье” состоит из трех параграфов.

В первом параграфе затрагивается вопрос о происхождении этнонима *ar*, который используется тюркскими народами Среднего Поволжья для обозначения удмуртов. Собственно в памятниках письменности данный удмуртский экзоэтноним впервые встречается в письме хазарского царя Иосифа (ок. 960 г.). Позднее, А. М. Курбский в сочинении “История о великом князе Московском” отмечал в составе населения Казанского ханства “воитецкий або арский [народ]”.

Интерес к проблеме происхождения указанного этнонима появился после выхода в свет труда Ф. И. Страленберга “Das Nord und Östliche Theil von Europa und Asia...” (1730), в котором исследователь утверждал, что удмурты сами себя называют *ar*. При этом, как полагал Ф. И. Страленберг, удмурты-*ары* являются непосредственными потомками сарматского народа *аримфеев*. В. Н. Татищев, в свою очередь, считая, что предками удмуртов были *аримасии*, предположил связь этнонима *ar* с финским словом *ääri* “край”: будто бы, находясь на периферии Булгарского государства, удмурты, язык которых был родственен финскому, называли себя “крайними” (согласно другой версии В. Н. Татищева этноним мог произойти от тюркского *arj* “дальше, далее”). Однако уже в работах Г. Ф. Миллера отмечается, что удмурты “не именуют себя ар, но удмурт...а именем ар вотяков называют татары”. Этот же автор предположил, что этноним *ar* восходит к татарскому слову *ärä* “пчела, трутень”. Данная легко опровергаемая версия была довольно популярна у исследователей XIX в. Впоследствии появились новые этимологии, возводившие уд-

муртский экзоэтноним к различным тюркским и иранским апеллятивам. Большинство из них имело явно надуманный характер и не получило признания со стороны исследователей.

Широкое распространение имеет гипотеза венгерского исследователя Жири М., высказанная в 1937 г. и поддержанная в конце 60-х гг. XX в. удмуртским языковедом В. К. Кельмаковым. Согласно ей, этноним *ar* происходит от тюркского (булгарского) апеллятива *ar* “мужчина, человек”. Впрочем, практически сразу после публикации статьи В. К. Кельмакова этнограф С. А. Арутюнов поставил под сомнение предложенную этимологию, поскольку, как правило, иноэтническое население не обозначается термином, в основе которого лежит слово со значением “человек”. Очередная версия происхождения этнонима *ar* была высказана в 1996 г. С. К. Бельх. По его мнению, в основе удмуртского экзоэтнонима лежит тюркское слово *ari* “напротив, на той стороне; та, другая сторона, находящийся на другой стороне; туда, дальше”. Согласно объяснению автора, булгары могли обозначать удмуртские земли на правобережье Камы термином *ari*. Вскоре этот термин перешел и на жителей “противоположной стороны”, а поскольку основным населением правобережья Нижней Камы были удмурты, именно за ними он и закрепился. Исчезновение конечного гласного объясняется С. К. Бельх следствием употребления термина “с суффиксом множественного числа...либо в составе других композитов”, что привело к падению оказавшегося в слабой позиции звука *i*. Будучи безупречной с фонетической точки зрения, данная этимология не может быть признана удовлетворительной с позиций основания номинации (к приходу булгар удмурты жили по обоим берегам Камы, кроме того, непонятно, почему лишь весьма ограниченный участок правобережья Камы назывался “Заречье”), семантики выбранной основы, которая не имеет специфического значения “заречье” (*arjaq*) и соответствия словообразовательным моделям тюркских языков (оттопонимичные названия жителей в тюркских языках образуются путем прибавления к основе аффикса *-li*, напр. *kazan-li* “казанец; казанский татарин”).

Автором диссертации предлагается альтернативная версия возникновения удмуртского экзоэтнонима *ar*. В соответствии с распространенной моделью образования этнонимов, в основе которых лежат слова отражающие характерные антропологические особенности эт-

носа, нами было высказано предположение, что такая антропологическая черта удмуртов как наличие значительного процента рыжеволосых индивидуумов, доходящая у некоторых локальных групп до 20–21%, могла послужить основанием для появления этнического прозвища *ar* “рыжий [человек]” (булг. **ar* < пратюрк. **ār*). Утрата тюркскими языками Среднего Поволжья апеллятива *ar* “рыжий, красный” способствовала становлению нейтрального *ar* “удмурт”.

Во втором параграфе рассматривается этно-социальная структура средневекового удмуртского общества и конкретизируется понятие “южные (арские) удмурты”. Поскольку из названия диссертации следует, что в качестве объекта исследования выступает одна из двух крупных локальных групп удмуртов, автор не мог не высказать своего отношения к проблеме формирования удмуртского этноса. Учитывая весьма ограниченные возможности лингво-генетического метода при решении конкретных этногенетических задач, поскольку, безусловно, не история языка определяет историю народа, а наоборот, особое внимание уделяется данным археологии. При отсутствии памятников письменности именно археологические материалы в состоянии представить реальную дискретность того общества, на которое распространяется слишком общее языковедческое понятие “лингвистическая непрерывность”. Археологические материалы вполне позволяют реконструировать направление и интенсивность социальных связей, а, стало быть, моделировать, в числе прочих, и этнические процессы. При этом прекрасным теоретическим обоснованием этнических реконструкций археологов является разработанная С. А. Арутюновым и Н. Н. Чебоксаровым концепция передачи информации как механизма существования этнических общностей. Таким образом, интерпретация археологического материала с учетом положений общей теории этноса, разрабатывающейся в отечественной и зарубежной этнологии, позволяют отойти от распространенного в лингвистике тезиса “один язык—один народ”, и дает возможность представить более объективную картину формирования современных этносов.

На основе анализа имеющихся данных автор диссертации пришел к выводу, что формирование удмуртского этноса в целом завершается во второй половине I тысячелетия н. э. Именно в этот период этноним **odomort* < иран. **antamarta* “житель пограничья, окраины”

(этимология Напольских, Белых 1996), первоначально использовавшийся каким-то южно-пермским населением, наиболее тесно контактировавшим с соседними ираноязычными кочевниками, приобретает характер наименования складывающегося этноса, распространяясь у всех локальных групп южных пермян. Территория, которую занимали в то время удмурты, вероятнее всего совпадала с территорией выделяемых археологами Поломской, Верхнеутчанской, Еманаевской культур, возможно территорией Чияликской культуры, а также с районами распространения “прикамско-приуральских” или “танкеевских” памятников Нижнего Прикамья. Не противоречат нашей гипотезе и данные памятников письменности, в частности для X в. материалы письма хазарского кагана Иосифа, выделяющего на территории Прикамья два народа *ar* (удмурты) и *isu* (коми-пермяки). Однако этнические процессы являются диалектическим единством интегративного и дифференцирующего начал: уже в конце I – начале II тысячелетия н. э. складываются условия (выход марийцев на Среднюю Вятку) для формирования внутри удмуртского этноса двух крупных этнографических групп, обозначаемых в соответствии с их географическим взаиморасположением как южные и северные удмурты. Последующая ориентация на разные центры политико-культурного влияния усилила своеобразие их материальной и духовной культуры, но не смогла разорвать единого этнического самосознания, оформившегося в предыдущее время. Иными словами, пользуясь терминологией Ю. С. Бромлея, в первой половине II тысячелетия н. э. удмуртский народ представлял из себя этникос, включавший два крупных этно-социальных организма, входивших в состав разных политических образований Волго-Камского края.

Несмотря на то, что предложенная схема формирования удмуртского этноса довольно близка взглядам отдельных исследователей, например, археолога Р. Д. Голдиной, основным ее отличием является отрицание участия в этногенезе удмуртов “племен” *vatka* и *kalmes*. Подавляющее большинство исследователей видит в этих “племенах” “древние структурные образования”, о чем якобы свидетельствуют сами названия, происходящие от тотемов: *vatka* < *vad* “выдра/бобр” + аффикс *-ga* – “широко представленный в родовых именах удмуртов” (что, надо сразу же заметить, не соответствует действительности); для объяснения происхождения микроэтнонима *kalmes* прибегают к помощи прибалтийско-финских языков, в которых, в отличие от

пермских, есть апеллятивы *kala* “рыба” и *mees* “человек”. Отсутствие данных слов в пермских языках должно будто бы свидетельствовать о глубокой архаичности микроэтнонима, образованного от тотема “племени” – рыбы. В свое время С. К. Бельх, попытавшись пересмотреть устоявшуюся этимологию, предложив достаточно спорную версию (*kalmez* < *kj'lemez* “остаток”), тем не менее совершенно верно заметил, что в качестве тотема не может выступать весь класс рыб.

Со своей стороны мы хотели бы отметить абсолютную беспочвенность попыток связать широко употреблявшиеся еще в XIX в. названия локальных групп удмуртов с тотемами. В действительности оба названия обязаны своим появлением соответствующим хоронимам – историческим названиям областей Вятско-Камского региона. Поскольку наиболее убедительной является славянская версия происхождения названия р. Вятки (Макарова 1992), давшей позднее название городу и государству, следовательно, удмуртский микроэтноним *vatka*, употреблявшийся северными удмуртами, не мог появиться раньше возникновения Вятской земли. Иными словами, северные удмурты, входившие в состав этого государства, в соответствии с нормами удмуртского языка называли себя *vatka*, т. е. “житель Вятской земли, вятчанин”. В свою очередь название *kalmez* появилось в соответствии с именем крупнейшей реки данного района проживания удмуртов – Кильмезь (удм. *Kalmez*). Подобная модель образования микроэтнонимов широко распространена у разных народов, в том числе и у родственных удмуртам коми-зырян.

Итак, под южными удмуртами (для X–XVI в.) в диссертационном исследовании понимается та часть этноса, которая проживала к югу от водораздела рек бассейна Чепцы и Верхней Вятки (выше впадения в нее р. Кильмезь). В археологическом отношении им соответствует население, оставившее южные памятники Кочергинской АК, памятники Чумойтлинской АК, памятники “прикамского населения” на территории Булгарии и, возможно, памятники низовий р. Белой. Поскольку обособленность завятских и закамских удмуртов современной этнографической группы южных удмуртов возникает в связи с событиями середины XVI в., автор не склонен, как это порою делается некоторыми исследователями, рассматривать их историю отдельно друг от друга. Так как территория, занимаемая селениями южных удмуртов в основных своих чертах, не-видимому, соответст-

вовала территории Арской земли, в нашем исследовании понятия южные и арские удмурты суть синонимы, используемые для обозначения средневекового этно-социального организма.

Изучение социальной истории средневекового удмуртского общества в значительной степени зависит от решения проблемы так называемой “воршудно-родовой” организации удмуртов. Анализ материала, собранного исследователями XIX и XX вв. – П. М. Богаевским, Н. Г. Первухиным, Г. Е. Верещагиным, И. Н. Смирновым, Т. И. Тезяковым, Н. Н. Блиновым, В. Н. Харузиной, И. В. Васильевым, М. Г. Худяковым, М. О. Косвеню, Д. К. Зелениным, В. Е. Владыкиным, Г. А. Архиповым, С. К. Бушмакиным, М. Г. Атамановым, а также изучение опыта решения данной проблемы некоторыми из них убедили автора диссертации в необходимости пересмотра основных положений “воршудной” теории, представленной в современной удмуртской этнографии. Прежде всего было обращено внимание на неуместность употребления понятий *воршуд* и *род* в качестве синонимов, поскольку первый, являясь духом-покровителем генеалогического рода, берет под свою защиту не только его представителей, но и adoptированных в состав рода лиц, а также жен членов такого генеалогического рода. Причем женщина, перед тем как над ней совершат соответствующий обряд, призванный ввести невесту в состав новой семьи, должна была попрощаться с *воршудом* того генеалогического рода, к которому принадлежал ее отец. Таким образом, вполне очевидно, что несмотря на тесную взаимосвязь, *воршуд* и *род* необходимо разграничивать. Была отмечена ошибочность положения “воршудной” теории, согласно которому появление удмуртских “родов” связывается с периодом материнской родовой организации.

Автором диссертации предлагается концепция рода-*выжы* – конического клана, аналогичного латинскому генсу, греческой фратрии, германскому куну, ирландскому и шотландскому кланам, югославянскому племени, албанскому фису, чеченскому тейпу и т. д. Таким образом, удмуртский род-*выжы*, которому покровительствовал дух *воршуд*, представлял собой общность людей, происходящих от одного предка, имя которого выступает в качестве патронимического. Подобное понимание сущности удмуртских родов позволило опровергнуть гипотезу М. Г. Атаманова о тотемическом характере большинства названий удмуртских родов. В действительности, все названия родов-*выжы* происходят от мужского антропонима путем добавления

форманта *-a(-ø)*, выполняющего функции, аналогичные патронимическим окончаниям славянских языков *-ичи*, *-овичи* или германских *-ing*, *-ung*. Например: *Jubera* < муж. имя **Jab3r + -a*; *Šudja* < муж. имя **Šudej + -a*, *Pel'ga* < муж. имя *Pel'eg + -a* (оказавшись в слабой позиции *-e- < *-ε-* выпала); *Jumja* < муж. имя **Jumj + -a*, *Turja* < муж. имя **Turi + -a* (в соответствии с нормами удмуртского языка если к основе, оканчивающейся на гласный, прибавляется формант *-a*, между ними появляется звук *j*) и т. д.

Таким образом, в средневековые удмуртский этнос представлял из себя в структурном отношении довольно сложный организм, в котором родственные связи, приобретающие на данном этапе развития лишь иллюзорную форму, скрывали общественные отношения, в рамках которых основными производственными единицами являлись большие и малые семьи, объединенные в сельские общины. Последние, в свою очередь, образовывали целую иерархию соподчиненных общин, из которых высшей формой объединения большей части южных удмуртов представляется потестарно-политический организм, известный как Арская земля.

В третьем параграфе предпринимается попытка определения границ территории, которую в средневековые занимала указанная историческая область Среднего Поволжья. И если для периода с X по XIV век мы не располагаем необходимой информацией памятников письменности для достаточно точного определения ее границ, то данные XV – середины XVI в. позволяют в целом весьма подробно очертить территорию Арской земли. В этот период она превращается в провинцию Казанского ханства, в состав которого также входили Горная, Луговая и Побережная (Ногайская) *стороны* или, иначе, *четверти*. По-видимому, какие-то вассальные отношения связывали с Казанским ханством башкир, но особенности быта и хозяйствования последних, очевидно, не позволяли включить эти земли непосредственно в состав поволжского государства. Автор диссертации полностью разделяет выводы И. П. Ермолаева, согласно которым деление Казанского и Свияжского уездов Русского государства на *дороги* не является отражением административно-территориального деления Казанского ханства на *даруги* и было введено русской администрацией во второй половине XVI в. Не случайно в татарских памятниках письменности XVII–XVIII вв. появляется административный термин

юл, что является калькой с русского “дорога”, тогда как, согласно ярлыку Сахиб-Гирея, в период существования ханства оно делилось на провинции, обозначаемые арабским термином *вилайет*.

Арская сторона занимала северо-восточные районы Казанского ханства, гранича на западе с селениями Луговой стороны, на юге Побережной (Ногайской) стороны, а на востоке с кочевьями башкир. Северная граница Арской четверти совпадала с рубежами ханства и Вятской земли (наиболее подробно эта граница описана в грамоте Ивана IV каринским князьям от 23 марта 1544 г.). Судя по сообщению русских летописей от 1469 г., Арская сторона включала в свой состав административные единицы более низкого уровня – на правом берегу нижней Вятки выделяется *Сыплинская земля*, в междуречье Вятки и Камы *Камьская земля*, в низовьях р. Белой *Беловоложская земля*. Определение границ Арской земли для XV – середины XVI в. делает очевидным, что основным населением края были южные удмурты. Однако если северные и центральные районы этой провинции Казанского ханства являлись практически моноэтничными, то на юге, в связи с постоянной инфильтрацией казанских тюрок и марийцев, увеличивалась этническая чересполосица.

Являясь основным населением, южные удмурты, безусловно, должны были использовать какое-то название для обозначения этого политического организма. Как представляется автору, его удалось зафиксировать Ф. И. Страленбергу, который писал, что удмурты (очевидно южные) называли свою землю *Arima*. Особенности передачи удмуртских слов шведским исследователем позволяют реконструировать хороним *Armu* (букв. “Ар[ская] земля”), который полностью укладывается в рамки пермских топонимических моделей.

Третья глава “Модель социальной эволюции южно-удмуртского общества”, состоящая из трех параграфов, призвана на основе теоретических разработок проблемы генезиса классового общества и информации привлекаемых в исследовании источников представить на примере южных удмуртов частную модель социально-экономической и социально-политической эволюции общества, находившегося в конце I тысячелетия н. э. на рубеже позднего варварства и цивилизации.

В первом параграфе рассматривается отечественная историография по проблеме становления классового общества и соотношения этого процесса с формационной периодизацией истории человечест-

ва. Преодолев узость сталинских формулировок, затормозивших творческое осмысление идей основоположников исторического материализма, отечественные исследователи начиная с 1960-х гг. в рамках марксистской философии истории стали разрабатывать несколько конкурирующих схем общечеловеческого развития, позволивших пересмотреть теорию последовательной смены пяти общественно-экономических формаций и уточнить терминологическую базу марксизма. Особое внимание в диссертации уделяется идеям, высказываемым в работах Ю. М. Бородая, В. Ж. Келле, В. Г. Плимака, Ю. М. Кобищанова, Ю. И. Семенова, Л. С. Васильева, В. П. Илюшечкина, Ю. В. Павленко, М. Б. Свердлова, Н. Н. Крадина и др.

Автор диссертации присоединяется к сторонникам объединения всех докапиталистических эксплуататорских обществ в одну “вторичную” (К. Маркс) или “большую феодальную” (Ю. М. Кобищанов) формацию, константой которой был *феод* – явление, различное по своему конкретному проявлению: должность, денежное обеспечение, земельное владение, оброчное держание и т. д., предполагающее получение социальной верхушкой общества исходя из права *власти-собственности* части прибавочного продукта, произведенного на основе ручного труда непосредственными производителями. В зависимости от природно-географических условий, определяющих тип хозяйствования, можно выделить три основных варианта развития этой формации.

Восточный вариант реализовывался в регионах, где формирующийся государственный аппарат сталкивался с необходимостью выполнения важнейших функций по организации производства и перераспределению материальных благ, иными словами там, где увеличение объемов прибавочного продукта зависело от усовершенствования организации труда. В этих условиях объектом эксплуатации власть имущих был труд крестьян, объединенных в общины “азиатского” типа. Поскольку очевидно, что возможности увеличения производства прибавочного продукта за счет усовершенствования организации труда ограничены, данный вариант развития приобретал в конечном итоге застойный характер. *Европейский* вариант был связан с регионами, где поступательное развитие общества было обусловлено внедрением более совершенных орудий труда, обеспечивающих экономическую самостоятельность отдельных дворохозяйств. В этих условиях управленческий аппарат, не выполнявший существенных функ-

ций по организации производства, содержался за счет развивающейся системы внеэкономического отчуждения части производимого крестьянами прибавочного продукта со стороны лиц, имеющих власть над соответствующей территорией. При данной системе существовала возможность установления отношений эксплуатации представителями знати непосредственно отдельных крестьянских хозяйств, хотя нужно учитывать, что система личной зависимости никогда не охватывала всех членов общества. Лично свободные оставались объектом эксплуатации со стороны государства, подданными которого они были. *Кочевнический* вариант был обусловлен особенностью кочевого хозяйствования, при котором непосредственные производители, ведущие обособленное хозяйство (в этом отношении они близки земледельцам умеренных широт), были не способны обеспечить социальную верхушку продукцией, обмен которой позволял бы удовлетворять ее престижное потребление. Поэтому возможным выходом для кочевой аристократии являлось непосредственное отчуждение части общественного продукта у соседних земледельцев. Для этого необходима организация соответствующей системы, совершенствование которой являлось бы залогом обеспечения кочевой знати предметами престижного потребления. Такой системой являлась военная организация кочевников. Подобно тому, как государственный аппарат стран Востока играл огромную роль в процессе организации производства, кочевая знать совершенствовала военно-государственную машину, способную обеспечить ее членов поступлениями ренты на основе власти-собственности (здесь, как и в азиатских обществах, основной возможностью получения ренты являлась корпоративная эксплуатация не отдельного производителя, а целого социального организма, у которого и производилось на основе власти-собственности отнятие части общественного продукта). Сходство обеих систем хозяйствования – кочевничества и восточного земледелия в отношении ограниченной потребности в совершенствовании орудий труда определяет их тупиковый характер.

Здесь схематично выделены лишь основные варианты развития феодальных отношений, в конкретно-исторической реальности, безусловно, осложнявшиеся всевозможными их сочетаниями. Так, удмурты, принадлежавшие к обществам, у которых реализовывался европейский вариант феодализма, уже с самых ранних этапов его развития испытывали влияния со стороны кочевников.

Во втором параграфе предпринимается попытка реконструкции социальной структуры южных удмуртов в X – середине XVI в, с учетом того, что у прикамского населения уже во втор. пол. I тысячелетия н. э. сложилось развитое натуральное хозяйство, основой которого было пашенное земледелие.

В изучаемый период подавляющее число членов южно-удмуртского этно-социального организма составляли лица – **mort*, входившие в состав той или иной деревенской общины – **basket'* и в совокупности составлявшие категорию свободных – **jöz*, противопоставленную категории несвободных (бесправных), первоначально пленников – **boštem mort*. Последние, находясь в личной зависимости от свободного члена общества (как правило, знатного или же того, кто личной доблестью в бою заслужил право на владение пленником), в условиях землепользования европейского типа, работали либо непосредственно в хозяйстве своего господина – **koža*, либо им предоставлялись для обработки участки земли, с которых пленники обязаны были отдавать определенную часть продуктов человеку, от которого они были лично зависимы.

Основная часть свободного населения состояла из лиц незнатного происхождения – **šödmort*, которые общими усилиями членов своего дворохозяйства производили продукт для собственного же потребления. Следствием, преимущественно, объективных причин являлась дифференциация рядовых общинников на зажиточных – **qzir* и бедных – **kwoner*. Низшим слоем последних были разорившиеся, неспособные вести самостоятельного хозяйства – **övöltëm mort*, вынужденные либо побираться – **koraskiš*, либо идти в работники – **užališ* к более состоятельным общинникам. В зависимости от тех или иных обстоятельств, работник трудился в хозяйстве господина – **koža* или за кров, или за ту или иную форму оплаты труда. Если первыми главным образом становились разорившиеся, не имеющие собственного хозяйства, то вторыми – **medalem mort* – преимущественно те лица, которых отправляли в наемные работники с надеждой поправить свое экономическое положение бедные хозяйства. Иными, во многом мнимыми способами изменить к лучшему свое положение была либо аренда земли, за пользование которой **kertimalem mort* вынужден был отдавать часть произведенного на ней продукта ее

владельцу, либо занятие в долг, почти всегда ставившее берущего – **pūnem boštiš mort* в отношения личной зависимости от кредитора. Невыполнение обязательств со стороны должника могло привести к утере статуса свободного члена общества и переходу в разряд **boštem mort*. Помимо лиц, занятых земледельческим трудом, в каждой деревенской общине или группе таких общин были ремесленники – **kibaša*, удовлетворявшие различные, прежде всего связанные с нуждами хозяйства, запросы остальных общинников. Безусловно, и ремесленники не оставались в стороне от социально-экономических отношений, складывавшихся в общине, и точно также могли попасть в личную зависимость от более состоятельного человека.

В данном случае нами была рассмотрена роль социально-экономических факторов в развитии социальной дифференциации по горизонтали среди незнатного населения, не включавшегося в потестарно-политическую надстройку общества. Эту высшую категорию свободного населения, составляли знатные, “родовитые” члены социального организма – **badžin mort*, **tōro*, являющиеся главами – **jur* различных линий отдельных конических кланов (родов-выжы). При этом знатность и влияние этих глав зависела от близости к основной линии господствующего конического клана, во главе которой стоял князь – **eksš*. Помимо глав отдельных родов-выжы в состав знати могли входить и не родовитые лица, к примеру, слуги – **ver* или рядовые дружинники – **ežmort / *ežmort*, **tūškaškiš*, которых глава социального организма приближал к себе.

Очевидно, что приход булгар на Среднюю Волгу вызвал потребность в объединении ранее разрозненных небольших социальных организмов. Вероятно, следствием этой тенденции и стало появление Арской земли, включавшей значительную часть южно-удмуртского населения. В состав этого потестарно-политического организма вошли сельские общины, как можно полагать, следующих родов-выжы, названия которых образованы от соответствующих эпонимов: **Učī* (Уча), **Mōšeg* (Можга), **Č'ipī* (Чипья), **Jumī* (Юмья), **Kebz* (Кибья), **Šudej* (Шудья), **Pel'eg* (Пельга), **Ežmteg ~ *Ežmteg* (Омга), **Dōreg* (Дурга), часть общин, ядро которых составляли потомки человека, носившего имя **Porēg* (Пурга) и, возможно, другие. Судя по тому, что последующая история южных удмуртов была связана с Арском, можно допустить, что ведущим в Арской земле был конический

клан, члены которого происходили по мужской линии от человека носившего имя **Jumī*. Именно род-*выжы* Юмъя, входящий в тройку наиболее крупных, изначально был локализован в окрестностях Арска. Однако, по-видимому, в середине XV в. власть в Арской земле, ставшей к тому времени одной из провинций Казанского ханства, была захвачена представителями каких-то аристократических ногайских родов, оттеснивших удмуртскую знать на более низкие ступени социальной иерархии.

Рассмотренные в данном параграфе изолированно два основных вектора социальной эволюции – социально-экономический на уровне рядового населения и социально-политический, дают лишь общую, “плоскую” схему закономерности общечеловеческого развития, описанную при помощи социальных терминов удмуртского языка. Придать ей “объемность” и “конкретность”, можно лишь на основе соответствующей информации памятников письменности, позволяющей проследить всевозможные варианты взаимодействия экономических и политических факторов на всех уровнях социальной стратификации. С сожалением приходится констатировать, что источниковая база по средневековой удмуртской истории ограничивает такую возможность.

В третьем параграфе представлена панорама политических событий, разворачивавшихся в крае в X – середине XVI в., на фоне которых проходило развитие южно-удмуртского этно-социального организма.

Пришедшие на Среднюю Волгу в конце I тысячелетия н. э. кочевники-булгары с их сильной военной организацией не упустили возможность установить отношения господства над разрозненным земледельческим, преимущественно восточно-финским населением. Уже при первых правителях возникшей в X в. Булгарии в ее пределы входили районы, население которых в значительно степени состояло из носителей “прикамско-приуральских” традиций. Впоследствии это население, способствовавшее оседанию булгар, было ассимилировано. Прикамское население других территорий, не вошедших непосредственно в состав Булгарского государства, оказалось в даннической зависимости от булгарских ханов. Так, уже в первой трети XII в., по сообщению Абу Хамида ал-Гарнати, Арская земля (*vilājat-i Arū*) вынуждена была выплачивать булгарам харадж. Впрочем, это не

мешало установлению тесных торговых контактов: удмуртские купцы – **vuzas'kiš'* поставляли на рынки Булгарии пушнину и другие северные товары, в свою очередь, приобретая высокохудожественные изделия булгарских и азиатских ремесленников.

Монгольские походы второй четверти XIII в. надолго нарушили сложившиеся в крае отношения. Впрочем, сохраняя кочевой образ жизни, знать Улуса Джучи, ставшего уже при Батые фактически независимым от Карокурума, мало вмешивалась во внутреннюю жизнь покоренных земледельческих обществ, довольствуясь регулярным получением дани. Далее в исследовании рассматриваются основные сюжеты политической истории Золотой Орды, так или иначе сказавшиеся на исторических судьбах народов Среднего Поволжья, в том числе и южных удмуртов. Расцвет Золотой Орды, обеспеченный колоссальными поступлениями дани от завоеванных народов и контролем над главнейшими торговыми путями Старого Света, пришедший на время правления хана Узбека (1312–1342), сменился ослаблением государства, вызванным как династической борьбой, так и сепаратистскими выступлениями на окраинах. Восстановление могущества государства при хане Тохтамыше (1380–1395) тем не менее не смогло остановить начавшийся процесс дезинтеграции Золотой Орды, на территории которой в начале XV в. образовался ряд независимых ханств, одним из которых было Казанское ханство.

Улу-Мухаммеду, бывшему золотоордынскому хану, удалось создать в конце 30-х гг. XV в. в Среднем Поволжье довольно сильное государство, которое на протяжении более ста лет, несмотря на частые периоды смуты, вызванные династической борьбой, оставалось серьезным противником Русского государства. Арская земля в это время превращается в провинцию Казанского ханства, в которой к власти, вероятно, не без помощи самого Улу-Мухаммеда или его ближайших приемников, пришли представители каких-то аристократических ногайских родов, игравших весьма заметную роль в истории ханства (“арские князья” русских источников). Очередной династический кризис, пришедший на момент усиления Русского царства, в конечном итоге привел к известным результатам войны 1552 г., одним из важнейших событий которой был поход русских войск на Арскую сторону. После падения Казани 2 октября 1552 г. вместе с другими народами бывшего Казанского ханства новыми подданными царя Ивана IV стали и южные удмурты, представители

ря Ивана IV стали и южные удмурты, представители которых, как сообщает А. Ф. Адашев в “Летописце начала царства”, уже 10 октября в Казани принесли присягу на верность русскому царю.

В **Заключении** сформулированы основные выводы диссертации. Решение поставленных в исследовании задач не только позволило осветить основные вехи истории южных удмуртов в период с X по середину XVI в., но и помогло пересмотреть значительный пласт взглядов исследователей на отдельные социальные институты всего средневекового удмуртского этноса. Вместе с тем, необходимо учитывать, что созданная в исследовании модель развития южно-удмуртского общества получила пока лишь весьма общее описание и требует более детальной проработки различных сторон ее функционирования, дабы с ее помощью получить более конкретные и точные представления об эволюции не только южно-удмуртского этносоциального организма, но и всего средневекового удмуртского общества, или же, удостоверившись в ошибочности тех или иных параметров настоящей модели, заменить ее другой.

ПЕРЕЧЕНЬ ПУБЛИКАЦИЙ

1. Арима // Инвожо. Ижевск. 1998. № 1. С. 50–52.
2. Удмуртские языковые памятники XVIII в. как источник для социально-экономических реконструкций // Тезисы докладов 4-й Российской университетско-академической научно-практической конференции. Ч. 1. Ижевск: Издательство Удмуртского университета. 1999. С. 38–39.
3. Татарские дореволюционные исследователи о прошлом удмуртов // Тезисы докладов Российской научно-практической конференции “Этнический фактор и политика. История и современность”. Ижевск: Издательский дом “Удмуртский университет”. 2000. С. 60–63.
4. О значении этнонима *ар* // Вордскем кыл. Ижевск. 2000. № 5. С. 55–61.
5. Происхождение и состав летописного рассказа о походе вятчан на Арскую землю // Тезисы докладов 5-й Российской университетско-академической научно-практической конференции. Ч. 2. Ижевск: Издательство Удмуртского университета. 2001. С. 80–81.
6. Возвращаясь к известиям Абу Хамида ал-Гарнати о народах севера // Проблемы экономической и социально-политической истории Удмуртии. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН. 2001. С. 4–10.
7. Развитие общественных отношений у южнопермского населения Прикамья по данным удмуртской соционимии // Проблемы экономической и социально-политической истории Удмуртии. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН. 2001. С. 11–53.

2-

Подписано к печати 7.12.2001 г., тираж 100 экз., заказ 1405.
ГУПИ «Бланкиздат», ул. В. Сивкова, 148, тел. 78-38-76.